

РАЗВИТИЕ ОБРАЗОВ-СИМВОЛОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Эшонкулова Гулжахон Аликуловна

Бекабадская специализированная общеобразовательная школа №5
Ташкент, Узбекистан

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена языковым образам-символам как национально-специфическим элементам русского языка, отражающим своеобразный характер национальной (русской) культуры, особенности национального образа мышления и интерпретации окружающего мира. На основании проводимого исследования выявляется зависимость формирующихся в русском языке образов-символов от специфики каждого исторического периода в развитии русскоязычной культурной общности. Установлено, что функционирование образов-символов эмотивно-оценочной природы, имеющих образно-символическое значение, явилось следствием депривации религиозной символики в синтагматических сочетаниях эпохи древнего синкретизма в результате разложения в синкретическом мышлении человека внутри Эпихристианский период, изменение социокультурной ситуации в Древней Руси, т. е. отказ от церковнославянского характера языка и насаждение мирянского начала в обществе средневековья.

Ключевые слова: языковые образы-символы, образно-символическая система, социокультурная ситуация, синтагматические сочетания, национальный образ мышления, национальная культура.

В изучении языка конца XX-начала XXI вв., периода общего процесса антропологизации знания, охватившего все области научного познания, отчетливо просматривается явное стремление осмыслить языковые явления через призму человека. . Как на зарубежных (Danesi, 2008; Gao, 2006; Jourdan, 2006; Kovacs, 2006), так и на русском (Карабулатова и др., 2013; Колесов, 2006; Фаттахова, Кулькова, 2014; Бочина, Мифтахова, 2014; Ерофеева, 2014; Wierzbicka, 1996) язык рассматривается не только как средство общения, но и как хранилище информации об истории, культурном опыте и народном носителе языкового восприятия окружающей среды, которое этот народ передает из поколения в поколение. Данная статья посвящена рассмотрению одного из

лингвокультурноносных явлений, отражающих ментальные и культурные особенности русского народа, а именно образно-символической системы русского языка.

Целью исследования является более детальное рассмотрение таких словесных образов, как чаша (чаша), плод (плод), свет (свет), представляющих собой сущностные фрагменты русского языкового видения мира. Задачей работы является определение характера смыслового наполнения языковых образов-символов в свете развития русскоязычной культурной общности. Проведенный анализ представляет интерес как в теоретическом (с точки зрения уточнения научных обозначений языкового выражения идей русской культуры, формирующих национальные языковые стереотипы в восприятии и осмыслении действительности), так и в практическом аспектах (с точки зрения использования данной работы в проведение в колледже курса культурологии и лексикологии русского языка не только для русскоязычных студентов, но и для русскоязычных иностранцев, так как при описании образно-символической системы языка обязательно задействованы ее лингвокультурологические и этнолингвистические компоненты).

Многие «современные» образы-символы, лежащие в основе русских фразеологизмов, хранят следы древних видений мира. Они восходят к древности, к эпохе древнего синкретизма и имеют «мифологические корни», обнаруживаемые в древнерусских текстах, связанных с церковно-книжной традицией. Каждая языковая единица такого текста носила символическое значение и имела двойной характер: ее «внешнее значение» маскировало другой «загадочный» смысл. Символическая схема реальности была обусловлена двойственным характером человеческого мышления в эпихристианскую эпоху. Этот образ мышления воплощался в общем и принципиальном противопоставлении «сакрального – мирского» и был обусловлен попытками найти во «временном» и «земном» земные вещи и явления природы, в событиях человеческой жизни. и исторические события, символы и знаки «вечного», «сверхвременного», «духовного» и «божественного» (Лихачев, 1987; Камчатнов, 1998). «Слова», содержащиеся в древнерусских текстах и обозначающие различные реалии, такие как чаша (чаша), плод (плод), свет (свет), представляли собой богословские образы-символы, заимствованные из библейских византийских подлинных рукописей.

В средние века в связи с изменением социального и культурного положения России, т. е. переломом уклада, уровня и состояния жизни, с распадом синкретического образа мышления и его дальнейшим развитием в человеческом

обществе, избавление от богословия предшествующих столетий и воплощение в жизнь светского начала общины, с возвышением уровня национальной и культурной идентичности, наблюдается десакрализация всех сфер жизни человека и его окружения. Очевидно, что вещи и понятия, носящие в античном мире религиозный и символически-обобщенный смысл, объективировались (Щуклина, 2012, с. 48).

Такие языковые единицы, как плод (плод), свет (свет), чаша (чаша), функционировавшие в традиционных древнерусских текстах, представляли собой богословские образы-символы и, обладая абстрактно-высоким сакральным смыслом, в эпоху Средневековья утратили свою церковно-символическую окраску. С самого начала идеологическое противопоставление: сладкий свет — горкая тма (горькая тьма) понималось как противопоставление чего-то «чистого, святого, святого и божественного» и, соответственно, «темного, порочного, безнравственного и дьявольского». Эта идеология, заимствованная из библейских византийских аутентичных источников, посредством использования старославянского книжного языка преобразуется в образ чего-то «доброе, радостное, безопасное и положительное», с одной стороны, и «злого, враждебного, насильственного и отрицательного», - с другой стороны. Данное противопоставление встречается во многих средневековых текстах, связанных с историческими событиями того периода. В пассаже «...света во тму прелогати не щуся и сладкое горкое не прозываю, А се ли убо свет, или сладко, еще работой владети? А се ли тма и горко же от бога данному государству владыти... се ли убо горко и тма, яко от злых предстати и благая творчество? Но се есть сладко и свет...сам не разумеая, что сладко и свет, и что горько и тма, и иных поучает. И не се сладко и свет, яко благ престати и злая творчеством междоусобными бранми и самовольством. Всем явленна сут, яко несть свет, но тьма и несть горько» (Первое послание царя Иоанна Васильевича, 1914, л. 49, 68) представлен образ бояр-врагов, который основан на противопоставлении чего-то «хорошего и выраженное словами сладкий и свет, а «плохое и отрицательное» сосредоточено в словах горький и тма. В литературных памятниках XV-XVII образ кубка получил дальнейшее развитие. Библейский образ чаши, воплощающей человеческую судьбу и подаренной митрополитом Иларионом еще в XI веке, широко использовался в военных повествованиях XVII века: Зане смертную горькую чашу хотя и пити (Толковая, 1892, с. 12).

Образ чаши-судьбы (горькой) в исторических повествованиях XVII века воплощает трагическую судьбу всей страны, всего народа. Например, в «Повести

о царстве Казанском» судьба казанеров, разбитых русскими войсками, изображается так: Приидоша бо к нам гости немалья и наливают нам пити горкую чашу смертную, ею же мой иногда целомудренный черпахом им, от их же ныне сами тая же горкая пития смерти неволею испиваем (Повесть о Казанском царстве, 1903, с. 155).

На современном этапе развития русского языка в результате десакрализации смыслового содержания образов-символов произошло их смысловое обновление и переосмысление. В современном русском языке широко распространен метафорический образ чаши скорби. Чаша используется как символ судьбы, судьбы, как правило, тяжелой и несчастной. Варианты этого образа разнообразны, но в обобщенном смысле можно сказать, что чаша жизни – это мера жизни, дарованная человеку, его земное состояние, его жизненный путь путем страданий и радостей. Образ плода (плода) символизирует полезность всякого учения (но не только учения Христа), хотя процесс учения действительно труден: корень ученья горек, не плод сладко (корень учения горьк, а плод сладок). . Образ-символ, закрепившись в сознании современного русского человека как номинация света, материализовался в такие слова, как добро, вечность, чистота, откровение, возвышенность и сама жизнь. Свет олицетворяет источник радости и удовольствия. Так, в пословице учение – свет, неучение – тма (знание – свет, невежество – тьма), свет (свет) – знание, позволяющее человеку глубже познать красоту жизни, иметь больше возможностей, тогда как тма (тьма) — жизнь невежественных людей, обычно скучная и невеселая, проходящая в нищете и тяжелом труде (Бирих, 1999).

Образная система русского языка, обладавшая религиозной символикой еще в эпоху античного синкретизма, к периоду Средневековья была десакрализована и приобрела иное, более «реальное» содержание. Язык не просто сохраняет «анахронизмы» мифологических представлений, но семантически обновляет и переосмысливает их. Следствием оттеснения старославянского и дальнейшего утверждения светского языка явилось лишение религиозной символики синтагматическими сочетаниями и приобретение ими художественно-символического смысла. На современном этапе развития русского языка они продолжают функционировать как образы-символы эмотивно-оценочного характера, обладающие художественным значением и эстетической значимостью.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Бирих А.К., Мокиенко В.М. и Степанова Л.И. (1999). Словарь русской фразеологии. Санкт-Петербург: Фолио-Пресс.
2. Бочина Т.Г., Мифтахова А.Н. (2014). Гендерная интерпретация фигуры мужчины в Рунете. *XLinguae*, 7(1), 2-14.
3. Данези, Д. (2008). Язык, общество и культура. Канада: Canadian Scholars' Press, Incorporated.
4. Древняя русская пчела по пергаментному списку. (1893 г.). Работа В. Семенова. Сборник, изданный Отделением русского языка и литературы РАН, Т.4, Санкт-Петербург, типография Императорской Академии Наук.
5. Ерофеева, И. В. (2014). Номинализация в лингвокультурной парадигме летописи. *Журнал наук о жизни*, 11(11), 438-442.
6. Фаттахова Н. и Кулькова М. (2014). Становление паремиологии в России и Германии. *Мировой журнал прикладных наук*, 31(5), 935-939.
7. Гао, Ф. (2006). Язык - это культура - О межкультурной коммуникации. *Лингвистика языка*, 5 (1), 58-67.
8. Журдан, К. (2006). Язык, культура и общество. Издательство Кембриджского университета.
9. Камчатнов, А. М. (1998). История и герменевтика славянской Библии. Москва: Наука.
10. Карабулатова И.С., Поливара З.В. и Замалетдинов Р.Р. (2013). Этнолингвистические особенности семантического восприятия языковой компетенции татарских детей-билингвов. *Мировой журнал прикладных наук*, 27 (образование, право, экономика, язык и общение), 141-145. <http://dx.doi.org/10.5829/idosi.wasj.2013.27.elelc.29>